

честве *нравственных сверхлюдей*. Призыв к активизму хорошо согласовывался с традиционным образом русской народнической интеллигенции.

Отвержение марксизма как *интеллигентского мировоззрения* было связано с отвержением позитивизма и идеи прогресса. Точно так же, как Николай Чернышевский и Петр Лавров, Бердяев считал, что прогресс является безнравственной идеей пожертвования человеческой личностью ради блага будущих поколений. Однако критика эта не приводила его к новому народничеству. Бердяева вдохновляла идея „теократического идеала” Владимира Соловьева и в интеллигенции он видел элиту „теократического строя”, который „есть как бы анархизм..., социализм [и] самодержавие Единого Бога³”.

Совсем по-другому роль интеллигенции оценивал Петр Струве. Тема интеллигенции была тесно связана с его идеей модернизации и европеизации России. После перемен 1905-1907 гг. именно интеллигенция начинала играть все большую политическую и общественную роль. Но интеллигенция для Струве не была тем же, чем был западный „средний класс”. Русский либерал ссылаясь на авторитет Льва Толстого, Александра Герцена и Михаила Бакунина и считал, что новым идеалом интеллигенции должно стать создание современной российской нации и отвержение двухполюсного раздела на „народ” и „общество”. Идея нации должна преодолеть классовую борьбу и способствовать „всестороннему развитию человеческой личности⁴”. В этом заключалась „идея воспитания” общества путем закона и образования. Для интеллигенции это означало переход от радикализма к реформизму.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ПРЕДЛОГ

Трофимов А.А.

г. Симферополь. Украина

В начале XX века, многие общественные деятели России критиковали социал-демократов за те мировоззренческие сдвиги в обществе, которые несла их идеология. Такие черты как атеизм, поверхностное отношение к культуре, философии, отщепенство, нигилизм и прочее связывались с интеллигенцией и большевистской идеологией. Многие видели в этом попытку создать *нового* человека, *новое* общество. Большевики действительно говорили о воспитании народа (попытки тотального ликбеза, борьба против мещанства и проч.) и не скрывали этого.

В то же время, для немалого числа интеллектуалов России, развитие мысли оказалось движением от марксизма и атеизма к религиозно-идеалистическому пониманию общества и истории. Примером такого движения были некоторые из участников сборника «Вехи», которые также желали воспитать русскую революционную интеллигенцию. Но в духе собственного понимания культуры и истории страны.

Данные споры не ограничивались только рамками столицы, полемика шла повсеместно. Но следует отметить, что по краям Российской империи подобные разговоры смешивались с национальной темой будущих республик.

Тема интеллигенции напрямую зависит от различных мировоззренческих позиций авторов по отношению к будущему страны (и человеку в частности). Важно не забывать, кто и в какой ситуации говорит об этой проблеме.

Если вспоминать полемику начала века, то не удивительно, что и в конце XX века, в момент распада Советского Союза и образования национальных республик, общество не могло не обратиться к вечной теме «интеллигенции».

Многие из статей об интеллигенции являются лишь поводом для обсуждения ситуации в культуре, в стране, в современном мире. И это не случайно. Практически любой социальный катаклизм требует обсуждения этой темы. Многие авторы, пишущие об интеллигенции, выстраивают собственную историю возникновения образованного слоя. Беря за точку отсчета порой совершенно различные исторические факты и события.

Украина – молодое государство, в котором продолжается построение истории нации и государства, и вполне возможно, что тема интеллигенции еще способна возникнуть во всем своем разнообразии ответов, но большие вопросы. Но какой это будет разговор, зависит напрямую от нас.

3 Бердяев, Теократия в: Новое религиозное сознание и общественность, Москва 1999. с. 255

4 Струве, *Идейные основы партии Народной Свободы* [w:] „Вестник Партии Народной Свободы”, 36 10 11 1906, s. 1863-1878.